

УДК 330.342.24

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕМ РЕГИОНЕ

Жернов Е.Е.

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

Аннотация.

В статье рассматриваются экологические и социальные аспекты неоиндустриализации в горнодобывающем регионе. Их актуальность обусловлена тем, что, с одной стороны, существует настоятельная потребность в неоиндустриализации горнодобывающего региона, а с другой, этот вопрос слабо проработан теоретически и методологически. Автор описывает модель региональной неоиндустриализации в ее расширенном толковании, включающем наряду с экономическими и технико-технологическими также принципы экологической и социальной сбалансированности. Без них неоиндустриализация не будет эффективной в полной мере. При этом подчеркивается необходимость восстановления науки и образования для сохранения и преумножения человеческого потенциала российского общества в целом и его региональных сообществ в частности. В работе обозначена цель исследования - провести теоретический анализ экологического и социального аспектов неоиндустриализации в горнодобывающем регионе, а также описаны методы её достижения - элементы системного анализа. Научная новизна результатов работы заключается в уточнении и развитии концепции неоиндустриализации в части эколого-социальных аспектов применительно к горнодобывающему региону. Результатом проведенного теоретического анализа является обоснование комплексности концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона в эколого-социально-экономическом единстве. Разработанные предложения могут быть использованы для создания комплексной концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона.

Информация о статье

Принята 01 августа 2017

Ключевые слова: горнодобывающий регион, неоиндустриализация, неосоциализация, неоэкологизация, концепция, экономика, корпоративная социальная ответственность, социальное предпринимательство.

DOI: 10.26730/2587-5574-2017-2-11-23

ENVIRONMENTAL AND SOCIAL ASPECTS OF THE CONCEPTION OF NEO-INDUSTRIALIZATION IN THE MINING REGION

Evgeny E. Zhernov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

Abstract.

The relevance of the study can be explained by the fact that, on the one hand, there is an urgent need for neo-industrialization of the mining region, and on the other hand, this issue has been poorly worked at theoretically and methodologically. In this article, an attempt is made to present a model of regional neo-industrialization in its expanded interpretation, which includes, along with economic, technical and technological principles, also the principles of ecological and social balance. Without them, neo-industrialization will not be effective to the full. At the same time, it is necessary to restore science and education in order to preserve and multiply the human potential of Russian society as a whole and its regional communities. The purpose of the study is a theoretical analysis of the environmental and social aspects of neo-industrialization in the mining region. The research methods include the elements of system analysis. The scientific novelty of the results of the study is in elaboration and development of the conception of neo-industrialization in terms of environmental and social aspects in relation to the mining region. The result of the theoretical analysis is the substantiation of the complexity of the conception of neo-industrialization of the mining region in ecological-socio-economic unity. The concept of neo-industrialization of the mining region should take into account its natural (ecological-geographical), anthroposocial and industrial peculiarities. The

Article info

Received August 01, 2017

Keywords:

mining region, neo-industrialization, neo-socialization, neo-ecologization, conception, economy, corporate social responsibility, social entrepreneurship.

conception of neo-industrialization of the mining region should reflect the multilevel of neo-industrialization: macro-, meso- and microlevels. The proposals developed for these areas can be used to create a comprehensive conception of the neo-industrialization of the mining region.

Введение

Неоиндустриализация, понимаемая комплексно, – сфера оптимального совмещения эколого-экономических стимулов развития общественного производства с его естественным социальным предназначением – служением удовлетворению потребностей человека. Это императив неоиндустриализации. Социально-экологическая переориентация общественного производства – процесс сложный, противоречивый. Новые перспективы сочетаются с трудностями прежде всего социального характера. Подчеркивая важность решения социальных задач, Президент России В. В. Путин на встрече с региональными омбудсменами в августе 2012 года заявил: «Если по-честному сказать, основные проблемы именно в этой сфере». В соответствии со статьей 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Быстрое технико-технологическое развитие при неоиндустриализации ставит новые препятствия на пути гармоничного развития человека, сохранения и повышения роли нравственно-этических и экологических ценностей социума. Из-за колоссального увеличения промышленной нагрузки на природную среду горнодобывающий регион Кузбасс балансирует на той экологической грани, за которой начинается прямое и невосполнимое разрушение живой и неживой природы, чьи ресурсы имеют абсолютные пределы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, с одной стороны, на практике существует настоятельная потребность в комплексной неоиндустриализации горнодобывающего региона, а с другой, этот вопрос слабо проработан теоретически и методологически.

Объекты и методы исследований

Теоретическим вопросам концепции неоиндустриализации в Российской Федерации посвящено немало работ. Причем есть как сторонники данной концепции, их работы публикуются в журнале «Экономист» (см., например [1–3]), так и оппоненты – их трибуна журнал «Вопросы экономики» [4].

Известные ученые справедливо отмечают, что неоиндустриализация не сводится к экономико-технологическому измерению. Так, Т. Сакайя считает, что: «начавшиеся в 80-е годы [XX века. – Е.Ж.] изменения знаменуют собой не просто появление более развитой промышленной экономики, а начало перехода к обществу нового типа, что эти перемены не ограничатся технологическими нововведениями или изменениями индустриального порядка, а коренным образом преобразуют всю социальную структуру...» [5].

В силу своей важности экологическое и социальное измерения неоиндустриализации должны стать предметом специального теоретического анализа. Наиболее отчетливо это видно на примере горнодобывающего региона. В качестве методологической предпосылки формирования комплексной концепции неоиндустриализации в горнодобывающем регионе мы исходили из зависимости эффективности неоиндустриализации от совокупности следующих факторов среды: географической и экологической (природной), антропосоциальной, а также от промышленной специфики региона.

Одни из этих факторов оказывают большее, другие меньшее влияние на эффективность неоиндустриализации, но вместе они представляют собой целостность. Игнорирование какой-либо из частей этой целостности ведет к отрицательным последствиям в экономике. Недоучет эколого-географического фактора, и еще более, антропосоциального фактора весьма опасен при проведении реформы неоиндустриализации. Экономические реформы, такие как неоиндустриализация, могут быть признаны состоявшимися, если они принесли искомые социальные результаты при соблюдении экологических норм и нормативов.

Обоснование неоиндустриализации как нового типа экономики возможно в контексте более общих теоретических проблем многовариантности реформирования национальной экономики и стратегического выбора: либо экономическая эффективность, либо социализация и экологизация экономики. Оптимизация того и другого, их органическое единство, основанное на понимании

невозможности существования одного без другого, должны определять современную экономическую политику неоиндустриализации. Сегодня в ее основе должна быть более общая концепция развития производительных сил и системы производственных отношений, складывающихся по поводу знаний: человек – человек, человек – предприятие, человек – регион, человек – государство. Эта система включает экономические интересы и отношения по производству, распределению, обмену и потреблению знаний человека как главного и решающего ресурса неоиндустриализации.

Такие отношения в процессе неоиндустриализации имеют новую природу и содержание. Россия в настоящий период имеет уникальный шанс перейти к VI технологическому укладу – основе новой индустриализации – не за счет интересов отдельного человека, не в ущерб его развитию, а осуществить данный переход как обязательное условие удовлетворения его потребностей. Это требует радикальной модернизации социальной сферы, совпадающей со сферой экономики знаний: систем науки, образования и здравоохранения. Отсутствие эффективного реформирования социальной сферы и экологической среды является основной проблемой и инерционно сложившейся преградой перехода к новой модели экономики в нашей стране, особенно в ее горнодобывающих регионах.

Главным признаком перехода к неоиндустриализации (экономике знаний, к информационной экономике), по нашему мнению, выступает соотношение по темпу развития отдельных подсистем системы неоиндустриализации. В качестве таких подсистем мы рассматриваем эколого-географическую, антропосоциальную, экономическую и технико-организационную подсистемы. Если в XIX веке динамика изменения технико-организационной подсистемы была опережающей по отношению к темпу изменения антропосоциальной подсистемы, включающей науку и образование, то затем, в различные периоды XX века это соотношение менялось. Примеры происшедших перемен: либо технические изменения за счет инкрементальных инноваций опережали темп развития экономики и науки; либо развитие науки и экономики опережало технические изменения в виде совершенствования средств производства. При этом в горнодобывающем регионе наблюдалась изменчивость местных географических характеристик из-за человеческой деятельности.

Во второй половине XX века сложились условия, при которых темп развития науки как антропосоциальной подсистемы стал опережающим, и она стала основой развития производительных сил. С конца XX века и до настоящего времени преобладает ситуация, когда темп развития информационно-экономической (преимущественно финансовой) сферы определяет уровень развития науки, техники и производства.

В данных процессах экология и социум выступают своеобразными лимитирующими ресурсами, а результат науки – промежуточным продуктом. Такое неравенство – свидетельство того, что «продукт не может развиваться – обладать большей скоростью изменений, чем ресурс» [6]. В результате возникает разрыв по эффективности между указанными подсистемами, практически создается режим заведомо ведущего развития экономической подсистемы в интересах узкой группы лиц.

Экологический и социальный аспекты неоиндустриализации неоправданно игнорируются во многих современных теоретических исследованиях данного направления развития страны и ее регионов. На практике это может привести к повторению ошибок индустриализации, особенно серьезных в горнодобывающем регионе, вплоть до экологической и социальной катастроф (пессимистический вариант). Уже сегодня, по мнению экспертов, развитие человечества достигло той стадии, когда наибольшую опасность для него представляют инициированные самим человеком процессы экспоненциального индустриального роста. Об экологических последствиях неконтролируемого промышленного роста было достаточно сказано еще в первых работах Римского клуба [7].

Неоиндустриализация как форма общественного производства имманентно содержит определенные социальные функции, служит социальным целям. Не случайно, в 1960-е и первую половину 1970-х гг. многие западные экономисты и социологи выступали в защиту социальных и экологических ценностей. Актуальная задача региональной неоиндустриализации – создание хозяйственной системы, ориентированной на региональные интересы, не противоречащие национальным интересам, но отвечающей природным (эколого-географическим) условиям и соци-

ально-экономическому положению региона в стране. Только на этой основе может быть восстановлен разумный баланс между экономическими, социальными и экологическими критериями принятия решений органами власти всех уровней.

Важно, чтобы все направления применяемой сейчас на практике экономической теории были совместимы с новой индустриализацией, вели к улучшению и эколого-социальных, и экономических результатов развития. Неиндустриализации должны соответствовать неосоциализация (новая социальная политика) и неэкологизация (новая экологическая политика).

Хотя новая индустриализация базируется на технотронной фазе научно-технической революции, коренное отличие ее от индустриализации состоит, на наш взгляд, именно в экологизации жизнедеятельности и социализации. Это означает неразрывную связь эколого-социальных и экономических ограничений, выдвигаемых регионами при выработке соответствующей политики неиндустриализации. Ряд авторов определяет неиндустриализацию для России как вторую фазу индустриализации, первый этап которой был пройден в 1925–1940 гг. В докладе о проекте «73-й меридиан» на Московском международном экономическом форуме весной 2014 года были изложены системные представления о зоне новой – третичной – индустриализации в Сибири. Эти представления связаны с развитием зон первичной и вторичной индустриализации, создаваемых в Арктике, Центральной и Южной Азии. Согласно Евразийскому мегапроекту «73-й меридиан», центр третичной индустриализации составляют города Омск, Томск и Новокузнецк Кемеровской области [8].

В смысле отражения направленности на человека и его всестороннее развитие понятия экологизации и социализации являются близкими друг другу, а в контексте новой индустриализации следует, на наш взгляд, говорить о неэкологизации и неосоциализации.

Под неэкологизацией (экологизацией неиндустриализации) мы подразумеваем императив развития, связанный с обеспечением условий жизнедеятельности человека в гармонии с окружающей средой путем соблюдения экологических норм.

Под неосоциализацией (социализацией неиндустриализации) мы понимаем императив соблюдения не только экономических, но и социальных норм, соответствующих культуре жителей региона, их базовым ценностям.

В целях осуществления контроля соответствия неиндустриализации горнодобывающего региона указанным нормам должен быть установлен перечень показателей ее реализации, динамика которых подлежит мониторингу. Экологические и социально-экономические показатели неиндустриализации горнодобывающего региона – система показателей. Для ее имплементации должны быть установлены значения отдельных целевых показателей в сфере экологии и социальной сфере, сопоставимые со значениями соответствующих показателей экономики развитых стран. Рассматривая последнюю как экономику знаний¹, рекомендуем использовать индекс экономики знаний, раскрывающий социально-экологические аспекты экономики на региональном уровне [10]. Для количественной оценки регионального развития экономики знаний в регионах России Д. Г. Кочергин предложил *индекс экономики знаний (ИЭЗ)*, расчет которого строится на факторной методологии и включает *четыре* основных *фактора*: образование, условия жизни, ИКТ-инфраструктура и региональная инновационная система. В свою очередь, каждый из обозначенных факторов характеризуется рядом показателей, отобранных в соответствии со сложившимися подходами к оценке инновационных процессов в экономике, а также возможностями российской системы статистического учета.

Взяв за основу этот индекс, необходимо разработать критерии и показатели региональной неиндустриализации страны, получить необходимые данные, составить «социо-экологическую карту неиндустриализации региона» и отслеживать динамику ее показателей в мониторинговом режиме, чтобы перейти к использованию системы социальных и экономических индикаторов как управляющих и управляемых параметров неиндустриализации.

¹ В самом широком смысле экономику знаний мы определяем, как экономику, в которой человек создает, распространяет и использует научные знания для своего всестороннего развития в гармонии с природой, обществом и государством [9, с. 185].

Наш анализ показывает, что для понимания реальных возможностей региональной неиндустриализации необходимы исследования социо-экологических оснований экономики, затрагивающие и институциональные аспекты неиндустриализации как хозяйственного процесса. Институциональные ловушки, препятствующие выходу российской экономики на неиндустриальный путь развития с использованием рыночного, технологического и социального потенциала импортозамещения рассматривают авторы работы [11].

Концепция неиндустриализации в горнодобывающем регионе должна учитывать экологические и социальные ограничения, обусловленные исключительной ценностью природного комплекса территории. Такие ограничения определяют принципиально новый подход к неиндустриализации специфичных регионов. В новой концепции должны быть прежде всего учтены негативные последствия проведенной ранее индустриализации горнодобывающего региона. Среди них выделяются экологические проблемы, связанные с исключительными природными объектами. Анализ негативного воздействия предприятий по добыче топливно-энергетических полезных ископаемых Кемеровской области проведен в работе [12]. Авторы считают, что по многим параметрам Кемеровская область может быть отнесена к зоне чрезвычайной экологической ситуации. В госдокладе Минприроды «Об охране окружающей среды» Кемеровская область названа среди регионов с наибольшим объемом выбросов от промышленности в атмосферу: в Красноярском крае (2,4 млн тонн), Ханты-Мансийском автономном округе (1,4 млн тонн), Кемеровской (1,3 млн тонн) и Свердловской (0,9 млн тонн) областях [13]. Выбросы загрязняющих веществ являются причиной высокого уровня заболеваемости населения. По ожидаемой продолжительности жизни область занимает лишь 75-е место из 83 регионов России [14]. Средняя продолжительность жизни существенно различается по регионам России, однозначно соответствуя уровню их социально-экономического развития. Общим основанием средней продолжительности жизни являются рост благосостояния, улучшение экологической обстановки, снижение социального неравенства и т.д.

Результаты и их обсуждение

Неиндустриализация, как уже отмечалось, должна быть ориентирована на человека. При этом в горнодобывающем регионе ее социальная и экологическая составляющие должны быть не просто рамочными, но представлять собой цели роста. Необходимо рассматривать процесс неиндустриализации в условиях экологических и социальных ограничений сквозь призму влияния особых объективных факторов территории: природных и антропосоциальных.

Для того, чтобы не повторить ошибок индустриализации, в концепции неиндустриализации горнодобывающего региона должны быть прописаны жесткие ограничения в использовании природных ресурсов: 1) прямой запрет на определенные виды хозяйственной деятельности; 2) указания на осуществление природоохранных мероприятий, какими бы затратными они не были. Для соблюдения этих ограничений в концепции неиндустриализации горнодобывающего региона, прежде всего, должны быть смещены цели – с чисто экономических в сторону эколого-экономических и социальных. Единая цель должна формулироваться, на наш взгляд, как всестороннее развитие населения региона при сохранении устойчивости природной среды благодаря умелому использованию природного богатства с пользой для общества и каждого его члена.

В условиях экологических пределов особое внимание следует уделить экологической регламентации, обусловленной особым режимом хозяйственной деятельности в одном из крупнейших угольных бассейнов страны – Кузбассе. Связанные с этим дополнительные затраты делятся на три группы: экологические, социальные, хозяйственные. В группу экологических затрат включаются затраты, обусловленные жесткими нормативами допустимого воздействия на природный комплекс: повышенные нормативы платы; применение дополнительных коэффициентов; удорожающие коэффициенты за сверхнормативное загрязнение. В эту же группу входят затраты, связанные с осуществлением природоохранных мероприятий: введение в строй дополнительных основных фондов природоохранного назначения; внедрение новейших очистных технологий; различные штрафы, иски, налоги.

Группу социальных затрат составляют: затраты на переобучение персонала, высвобождение рабочей силы, улучшение условий труда и его охраны, содержание объектов социальной инфраструктуры и др. При этом доля последних в общих издержках производства на предприятиях не должна составлять сотые и тысячные доли процента, как в период деиндустриализации. В группу

хозяйственных (экономических) затрат входят затраты, связанные с ограничением использования природных ресурсов, и затраты, вызванные запретом или/и ограничением воздействия на природный комплекс (потеря производственных мощностей, выбытие основных фондов, снижение объемов производства, внедрение безопасных техники и технологий).

Сохраняющееся преобладание добывающей промышленности в производственном секторе горнодобывающего региона делает ее здесь главным объектом неоиндустриализации. Цель последней в этих обстоятельствах – превратить добывающую промышленность в сектор с высокой добавленной стоимостью путем кардинальных структурных и ресурсных изменений. Важнейшей задачей развития является совместимое угольное и промышленное производство, которое может обеспечить стабильный размер экологических, социальных и экономических организационных структур на среднем уровне с учетом российских и сибирских стандартов. Добывающая промышленность (горное дело), характеризовавшая еще доиндустриальную экономику, остается первичным сектором и экономики неоиндустриальной, так как представляет собой начальную, природную сферу ее структуры. Это определяется тем, что добывающая промышленность непосредственно связывает человека и общество с природной средой. В последней физически протекает их жизнедеятельность, из земли люди извлекают полезные ископаемые, придавая им первичную форму, пригодную для производительного потребления. Человек как часть природы находится с ней в постоянном взаимодействии, становясь производителем благ из материалов природы. «Именно этим [добывающая промышленность и сельское хозяйство. – Е.Ж.] своим сектором экономика “сращена” с природой, “уходит” в природу», – образно пишет В. Черковец [15]. И значит неразрывно связана с экологией.

В экономическом плане «первичность данного сектора выражается в феномене «естественных монополий», цены на продукцию которых в конечном счете определяют всю систему ценообразования, включая цены на услуги населению.

Последующая переработка веществ природы осуществляется во вторичном секторе, где из промежуточных продуктов производят готовые продукты для так называемого конечного потребления. Добывающие компании мирового уровня, например, УК «Кузбассразрезуголь» стремятся поставлять на рынок не просто сырье, а готовый высококачественный продукт, отвечающий запросам потребителей. В ближайшие годы объем переработанного угля планируется довести до 90 % от всего добываемого угля. Повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья – в числе приоритетов и перспектив научно-технологического развития страны в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации [16].

Учет экологического и социального факторов при неоиндустриализации горнодобывающего региона требует немалых затрат. При определении источника их покрытия нельзя не согласиться с обоснованным предложением ведущих отечественных экономистов (см., например, [17, с. 457]) «перенаправить рентно-сырьевые доходы на назревшие структурные изменения в народном хозяйстве и стимулирование инновационно-инвестиционной деятельности, как в добывающих отраслях, так и в секторе готовой и высокотехнологичной продукции». В. Т. Рязанов требует обращать «первоочередное внимание на сырьевой комплекс как базу текущего благополучия и источник финансового обеспечения неоиндустриализации» [18, с. 20]. «В идеале желательно прямое распределение ренты между всеми жителями»². Но для этого государство должно создать систему институтов противодействия коррупции и другим формам рентоориентированного поведения» [19]. Поэтому, на наш взгляд, природная рента должна перераспределяться через федеральный бюджет.

Исключение должна составить та ее часть, которая необходима для компенсации местному населению его издержек, связанных с добычей, вложений в процессы воспроизводства и охраны природных ресурсов [19, 20].

Доля горнодобывающего региона должна определяться в зависимости от количества капитала, требуемого для вложения в восстановление природного потенциала территории, возмещающего ущерб от истощения эксплуатируемых месторождений и от уничтожения природных ресурсов в результате изъятия земельных участков в целях недропользования [21].

² Рента для всех – концепция «национального дивиденда» академика Д. С. Львова (примеч. – Е.Ж.).

В силу промышленной специфики для горнодобывающего региона характерно наличие моногородов. Более 7,5 % моногородов страны расположены в Кемеровской области. По итогам заседания президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 ноября 2016 года утвержден паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Проект предусматривает создание в 100 моногородах территорий опережающего социально-экономического развития. В июле 2016 г. Премьер-министр РФ Д. А. Медведев подписал постановление правительства о создании территории опережающего развития (далее – ТОР) Юрга в Кемеровской области. К 2020 году за счет создания ТОР город планирует привлечь около 5,4 млрд. рублей частных инвестиций. Эти средства позволят развивать обрабатывающие и перерабатывающие производства и избежать нынешней зависимости города от Юргинского машиностроительного завода. Предполагается, что за счет создания ТОР в городе получат развитие 29 видов экономической деятельности, не связанных с градообразующей: от растениеводства и рыбоводства до строительства и производства катеров и газовых котельных [22].

В случае градообразующего предприятия надо учитывать особенности его социальной сферы: «На таких предприятиях социальные услуги жизнеобеспечивающего характера (связанные с ЖКХ, медициной и образованием) подчас оказываются 30–40 и более процентам населения, проживающего в муниципальном образовании. Между тем возможность пользоваться альтернативными объектами социальной инфраструктуры у местных жителей подчас отсутствует» [23]. Поэтому должны быть учтены и такие факторы, как готовность местных органов власти к принятию социальных объектов на собственный баланс при обеспечении уровня финансирования не ниже достигнутого; состояние материально-технической базы социальных объектов; готовность руководителей социальных объектов к переходу на рыночные принципы работы.

Зарождение и усиление императивов неозкологизации и неосоциализации сопровождается формированием соответствующих механизмов и способов регулирования социо-эколого-экономических процессов. Они основаны на сочетании рыночных регуляторов с активной ролью государства, общественных институтов, корпораций [24–25]. Их соотношением определяется различие типов эколого-социальной ориентации рыночной экономики. Имеющееся разнообразие свидетельствует, на наш взгляд, об исходном характере эколого-социальных перемен в экономике.

Роль рыночной системы в неоиндустриализации весьма противоречива. С одной стороны, она обеспечивает динамизм экономической трансформации, а, следовательно, и рост общего уровня благосостояния. А с другой стороны, она ставит пределы социальному развитию в сфере общественных благ по причине краткосрочных целей предпринимателей.

Элиминировать эти ограничения призвано государство через выработку стратегии социально-экономического развития страны, регионов и ее осуществления посредством законодательства, институционализации социального партнерства на всех уровнях.

Удовлетворению социальных потребностей на современном этапе свойственно сочетание частных и общественных благ, рыночных и нерыночных форм, соотношение которых зависит от экономических возможностей страны и регионов, конкретно-исторических особенностей, традиций последних. Однако во всех комбинациях роль и масштабы общественных благ и государственных социальных трансфертов остаются высокими. Устанавливается минимальный уровень социальных потребностей, удовлетворяемых на основе нерыночных принципов. Государственное управление социально-экономической сферой должно базироваться на системе социальных и экологических гарантий, поддержке отраслей, социально-значимых и экологически чистых. Вложения в эти отрасли окупаются за несколько лет, но с эффектом, многократно превосходящим первоначальные затраты.

Заметную роль в этом играет государственная политика повышения социальной ответственности бизнеса: сочетание обладания ресурсами с ответственностью за их использование. Поэтому важное место в реализации социальных и экологических аспектов неоиндустриализации принадлежит корпоративной социальной ответственности (КСО).

Парадигма неоиндустриального развития должна быть связана с усилением социальной ориентации экономики на удовлетворение потребностей населения. В условиях рынка побудительным мотивом для производителей остается частная выгода, но она достигается в конечном счете через общее повышение уровня и качества жизни.

С помощью КСО может быть достигнуто предотвращение негативных экологических и социальных последствий для населения территории. В концепции неоиндустриализации следует дать общую характеристику модели института социальной ответственности экономических субъектов горнодобывающего региона. Эта модель представляет собой комплексную систему правил и организаций, обеспечивающих регулярность социально ответственного поведения экономических субъектов в целях осуществления неоиндустриализации. Уровень социальной активности экономических субъектов региона может оказать существенное влияние на экологическое и социальное направления неоиндустриализации. Мировой опыт убедительно доказывает необоснованность самой постановки вопроса об освобождении российских корпораций от социальных обязательств со ссылкой на законы рыночной экономики.

Мы рассматриваем неоиндустриализацию горнодобывающего региона также как область применения социального предпринимательства в России, представители которого должны утвердиться в качестве нового для российского общества типа хозяйствующего субъекта, адекватного неоиндустриальной экономике. Социальное предпринимательство – яркое проявление роста значимости самовыражения наиболее активных представителей социума, их индивидуальной автономии и персональной ответственности за рост благосостояния и качества жизни как общества в целом, так и наиболее уязвимых его слоев, проживающих на конкретной территории. В идеале социальное предпринимательство представляет собой современную идеологию предпринимательской деятельности и модель формирования новой экономики, нацеленной на приоритетное решение социальных задач и базирующейся на нерыночных ценностях, социальных инновациях и социальных технологиях. Возникающая здесь проблема связана с невозможностью измерения социального прогресса, вызванного эффектом социального предпринимательства из-за отсутствия количественной и качественной системы оценок такой категории как «общественное благо, созданное индивидуальным трудом».

Для включения социального предпринимательства в концепцию неоиндустриализации важен тот факт, что ученые-теоретики как определяющую черту и одну из главных целей социального предпринимательства отмечают инновационность. Это позволяет рассматривать социальное предпринимательство в качестве нового вида предпринимательской деятельности, базирующегося на экономике знаний. Агентство социальных инициатив [26], исходя из цели расширения участия негосударственного сектора экономики в оказании социальных услуг, под основными задачами социального предпринимательства понимает не только создание новых и расширение существующих рынков экономики, ежегодный прирост ВВП до 1%, решение проблем безработицы путем создания до 100 тысяч рабочих мест ежегодно, но и увеличение доли негосударственных организаций: коммерческих и некоммерческих при оказании услуг в социальной сфере; создание условий для повышения качества услуг в социальной сфере вследствие возможности проведения сравнительного анализа с применением независимой оценки качества услуг, оказываемых организациями различных форм собственности, в социальной сфере; сокращение дефицита в части предоставления обязательных услуг населению в социальной сфере; развитие системы поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций и организаций социального предпринимательства; развитие механизмов частно-государственного партнерства в социальной сфере.

Настоящим прорывом для социального предпринимательства должно стать долгожданное принятие поправок в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [27], которые были внесены на рассмотрение в Государственную Думу. В поправках содержится юридическое определение термина «социальное предпринимательство». Их принятие будет означать точную идентификацию социальных предпринимателей и задаст прозрачные параметры оценки их деятельности. В период неоиндустриализации социальное предпринимательство может стать основой устойчивости государства и общества.

Неоиндустриализации может способствовать только модель паритетной, сбалансированной социальной ответственности государства, бизнеса и населения. Она позволяет производить более качественные товары и услуги благодаря наличию доверия в обществе, отсутствию существенных ограничений экономического роста. КСО – социальная технология, способствующая гуманизации хозяйственной деятельности без нарушения принципа экономической эффективности [28].

К повышению уровня ответственности за себя и за общество ведет образование [29]. Согласно Закону об образовании [30], среди основных сфер реализации социальной ответственности – ответственность за рациональное природопользование. Здесь в качестве примера социально ответственной компании можно привести ОАО «Угольная компания «Кузбассразрезуголь» (с 2006 года находится под управлением Уральской горнометаллургической компании ООО «УГМК-Холдинг»). Но и в этой компании наблюдается сокращение социальных инвестиций более чем в 1,5 раза: с 621,6 млн. руб. в 2012 году до 400 млн. руб. в 2015 году. Биологическая рекультивация земель сократилась с 133 га в 2013 году до 57 га в 2016 году (план), то есть в 2,3 раза. При этом добыча угля растет с 43,8 млн. тонн в 2013 году до 44 млн. тонн в 2016 году (план). Положительно в инновационном плане то, что увеличивается объем переработки и обогащения угля: с 75 % в 2011 году до 88,9 % в 2015 году.

В бизнес-планах предприятий, на которых намечается неоиндустриализация, должны быть детально прописаны социальные и экологические вопросы. Среди них важное место отводится переобучению и переподготовке кадров, что также является сферой социальной ответственности корпораций.

Переобучение и переподготовка профессиональных кадров для неоиндустриализации должны осуществляться на базе следующих принципов:

- 1) ориентация на новые прогрессивные сферы трудовой деятельности, определенные «Атласом новых профессий» [31], в котором было выделено одиннадцать надпрофессиональных компетенций для будущих специалистов, включая: мультиязычность и мультикультурность, навыки межотраслевой коммуникации, клиентоориентированность, умение управлять проектами и процессами, работу в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач и др.;
- 2) преемственность обучения и учет имеющегося образовательного потенциала;
- 3) гибкость повышения квалификации;
- 4) опережающий характер обучения новым технологиям;
- 5) оптимизация затрат на профессиональное обучение и переподготовку путем многоканального финансирования.

Эти принципы также должны войти в комплексную концепцию неоиндустриализации горнодобывающего региона.

На вопросы переподготовки и переобучения должен быть сделан особый акцент в комплексных социальных планах программы неоиндустриализации.

К переподготовке кадров следует привлечь образовательные учреждения на местах, которые должны быть заранее готовы к этой работе. В такой же степени готовности должны находиться территориальные службы занятости, с которыми необходимо координировать усилия вузов и предприятиям, гибко реагируя на изменение конъюнктуры регионального рынка труда под воздействием неоиндустриализации. Последнее объективно связано с появлением спроса на новые специальности и профессии. На количественный и качественный аспекты эффективности функционирования рынка труда обращает внимание Г.Н. Соколова в исследовании [32].

Таким образом, результатом проведенного теоретического анализа является обоснование комплексности концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона в эколого-социально-экономическом единстве (целостности). Предлагаемый подход – неоиндустриализация, неразрывно связанная с неосоциализацией и неоэкологизацией, характеризуемая совокупностью экономических, социальных и экологических критериев [33–34].

Заключение

1. В концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона должна быть учтена его природная (эколого-географическая), антропосоциальная, промышленная специфика.

2. В концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона должна быть отражена многоуровневость неоиндустриализации: макро-, мезо- и микроуровни. На мезоуровне в концепции неоиндустриализации горнодобывающего региона должны быть прописаны жесткие ограничения в использовании природных ресурсов: прямой запрет на определенные виды хозяйственной деятельности; указания на осуществление природоохранных мероприятий, какими бы затратными они не были. Также для мониторинга ситуации рекомендуем использовать индекс

экономики знаний, раскрывающий социально-экологические аспекты экономики на региональном уровне. На микроуровне в концепции неоиндустриализации достойное место должна занять корпоративная социальная ответственность.

В совокупности эти предложения могут сложиться в целостную концепцию неоиндустриализации горнодобывающего региона. Комплексная концепция неоиндустриализации горнодобывающего региона должна дать ответ на вопрос, сможет ли общество воспользоваться огромными возможностями технико-технологического прогресса без ущерба для экологии и самого социума данной территории.

Список источников

1. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
2. Губанов С.С. Путь развития России: назревшее уточнение // Экономист. – 2010. – № 4. – С. 3–7.
3. Вечканов Г. Демагогия против новой индустриализации, или попытка с негодными средствами // Экономист. – 2014. – № 7. – С. 3–5.
4. Корнейчук Б. В. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. – 2014. – № 3. – С. 141–149.
5. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 340–371.
6. Сухарев О.С. «Информационная экономика», трансакционные издержки и развитие // Экономика и предпринимательство. – 2012. – № 2 (25). – С. 10–17.
7. Гуманистические ориентиры России / Л.И. Абалкин, А.В. Барышева, Т.В. Бурмистров и др. – М.: Институт экономики РАН, 2002. – 391 с.
8. Крупнов Ю.В. Омский консенсус – на смену Вашингтонскому и Пекинскому, или как запустить новую индустриализацию в России? Доклад на Московском международном экономическом форуме 26 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/news/0223/>. – (дата обращения 05.09.2017).
9. Жернов Е.Е. Экономика знаний в регионе: гуманистическое определение // Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И.Б. Золотых, Е.Е. Жернова. – Москва – Кемерово, 2013. – С. 177–186.
10. Кочергин Д.Г. Измерение экономики знаний в России: методология и региональный анализ // Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И.Б. Золотых, Е.Е. Жернова. – Москва – Кемерово, 2013. – С. 116–176.
11. Zhironkin S., Gasanov M., Zhironkina O. Neo-Industrial Technological Convergence and Social Wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2017. – Vol. XIX. – pp. 753-760.
12. Zhironkin S., Gasanov E., Zhironkina O., Taran E. Technological determinants of the lifetime well-being in the 21st century // SHS Web of Conferences. – 2016. Vol. 28. – pp. 01145.
13. Вдох и выхлоп [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.mail.ru/politics/31072312/?frommail=1>. – (дата обращения 05.09.2017).
14. Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2015 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf. – (дата обращения 05.09.2017).
15. Черковец В. О содержании понятия «реальный сектор экономики» и роли материального производства // РЭЖ. – 2001. – № 11-12. – С. 49–62.
16. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
17. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.
18. Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. – 2013. – № 8. – С. 3–40.
19. Мишура А.В. Ресурсная рента и межрегиональное неравенство в России // ЭКО. – 2011. – № 4. – С. 155–167.
20. Федоров М.В. Использование природно-ресурсной ренты в целях регионального развития / М.В. Федоров, Я.Я. Яндыганов, Е.Я. Власова // Известия УрГЭУ. – 2012. – № 3 (41). – С. 151–152.
21. Скорых Н.Н. Рентные отношения и платежи в социально-экономическом развитии территории: дис. ... канд. экон. наук. – Новосибирск, 2006.
22. Две созданные в Сибири ТОП привлекут в регионы свыше 40 млрд рублей [Электронный ресурс]. – URL: <http://tass.ru/sibir-news/3470819>. – (дата обращения 05.09.2017).
23. Винслав Ю. Социальные проблемы реструктурирования общетраслевых корпораций (на примере РАО «ЕЭС России») // РЭЖ. – 2001. – № 11-12. – С. 18–35.

24. Нуфер Л.П., Прокудина М.Д. Внутренний контроль как фактор борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путём // Сборник статей международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки в России и мире», Екатеринбург, 2017. – Уфа: Изд-во «Аэтерна», 2017. – С. 132–136.
25. Нуфер Л.П., Прокудина М.Д. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и внутренний контроль в банке // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 1(78). – С. 730–734.
26. Миссия АСИ в развитии предпринимательства в социальной сфере [Электронный ресурс]. – URL: <http://asi.ru/social/business/>. – (дата обращения 05.09.2017).
27. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
28. Жернов Е.Е. Технологии социализации экономики знаний в ресурсодобывающем регионе / Е.Е. Жернов, Е.В. Нехода // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 188–198.
29. Полань К. Избранные работы. – М., 2010. – 199 с.
30. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
31. Атлас новых профессий 2.0: какие компетенции будут востребованы в ближайшие годы [Электронный ресурс]. – URL: http://neohr.ru/hr/article_post/atlas-novykh-professiy-2-0-kakiye-kompetentsii-budut-vostrebovany-v-blizhayshiye-gody. – (дата обращения 05.09.2017).
32. Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. – Мн.: Бел. навука, 2010. – 462 с.
33. Доценко Е.Ю., Жиронкина О.В., Агафонов Ф.В., Генин А.Е. Роль конвергентных технологий в становлении непрерывного благополучия в неоиндустриальной экономике // Путеводитель предпринимателя. – 2016. – № 32. – С. 65–79.
34. Жиронкин С.А., Жиронкина О.В. Институциональные меры структурных преобразований экономики Кемеровской области // Известия Байкальского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 5–10.

References

1. Gubanov, S.S. Neoindustrializatsiya plyus integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neo-industrialization plus integration (about the formula of development of Russia)]. Ekonomist = Economist. 2008. No. 9. pp. 3–27.
2. Gubanov, S.S. Put' razvitiya Rossii: nazrevshee utocnenie [The way of development of Russia: the urgent clarification]. Ekonomist = Economist. 2010. No. 4. pp. 3–7.
3. Vechkanov, G. Demagogiya protiv novoy industrializatsii, ili popytka s negodnymi sredstvami [Demagoguery against a new industrialization, or an attempt with unfit means]. Ekonomist = Economist. 2014. No. 7. pp. 3–5.
4. Kornejchuk, B.V. Teoreticheskie i ideologicheskie osnovy doktriny «novoy industrializatsii» [Theoretical and ideological foundations of the doctrine of the “new industrialization”]. Voprosy ekonomiki = Economics Issues. 2014. No. 3. pp. 141–149.
5. Sakaiya, T. Stoinost', sozdavaemaya znaniem, ili Istoriya buduschego [The Knowledge-Value Revolution, Or, a History of the Future]. In: Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya [A new post-industrial wave in the West. Anthology] / Pod redakciej V.L. Inozemceva [Edited by V.L. Inozemtsev]. Academia, Moscow, 1999. pp. 340–371.
6. Suharev, O.S. «Informacionnaya `ekonomika», transakcionnye izderzhki i razvitie [“Information economy”, transaction costs and development]. Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship. 2012. No. 2 (25). pp. 10–17.
7. Abalkin L.I., Barysheva A.V., Burmistrov T.V. et al. Gumanisticheskie orientiry Rossii [Humanistic orientations of Russia]. Institute of Economics RAS, Moscow, 2002. 391 p.
8. Krupnov, Yu.V. Omskij konsensus – na smenu Vashingtonskomu i Pekinskomu, ili kak zapustit' novuyu industrializatsiyu v Rossii? Doklad na Moskovskom mezhdunarodnom ekonomicheskom forumе 26 marta 2014 g. [Omsk Consensus – to replace Washington and Beijing, or how to launch a new industrialization in Russia? Report at the Moscow International Economic Forum on March 26, 2014]. URL: <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/news/0223/>. – (accessed 05.09.2017).
9. Zhernov, E.E. Ekonomika znaniy v regione: gumanisticheskoe opredelenie [Knowledge economy in the region: the humanistic definition]. In: Formirovanie ekonomiki znaniy v resursodobyvayushchem regione (na primere Kemerovskoy oblasti) [Formation of the knowledge economy in the resources-extractive region (Kemerovo Oblast instance)] / pod red. I.B. Zolotykh, E.E. Zhernova [Edited by I.B. Zolotykh, E.E. Zhernov]. Moscow – Kemerovo, 2013. pp. 177–186.
10. Kochergin, D.G. Izmerenie ekonomiki znaniy v Rossii: metodologiya i regional'nyy analiz [Measuring the knowledge economy in Russia: methodology and regional analysis]. In: Formirovanie ekonomiki znaniy v resursodobyvayushchem regione (na primere Kemerovskoy oblasti) [Formation of the knowledge economy in the resources-extractive region (Kemerovo Oblast instance)] / pod red. I.B. Zolotykh, E.E. Zhernova [Edited by I.B. Zolotykh, E.E. Zhernov]. Moscow – Kemerovo, 2013. pp. 116–176.
11. Zhironkin S., Gasanov M., Zhironkina O. Neo-Industrial Technological Convergence and Social Wellbeing. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. Vol. XIX. pp. 753–760.

12. Zhironkin S., Gasanov E., Zhironkina O., Taran E. Technological determinants of the lifetime well-being in the 21st century. SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 28. pp. 01145.
13. Vdoh i vyhlop [Breath and exhaust]. URL: <https://news.mail.ru/politics/31072312/?frommail=1>. – (accessed 05.09.2017).
14. Prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii po regionam Rossii (ozhidaemaya) za 2015 god [Life expectancy at birth by regions of Russia in 2015]. URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf. – (accessed 05.09.2017).
15. Cherkovec, V. O sodержanii ponyatiya «real'nyj sektor ekonomiki» i roli material'nogo proizvodstva [On the content of the concept of “real sector of the economy” and the role of material production]. REZh = REJ (Russian Economic Journal). 2001. No. 11-12. pp. 49–62.
16. Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 No. 642 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”].
17. Ryazanov, V.T. (Ne)Real'nyj kapitalizm. Polit'ekonomiya krizisa i ego posledstvij dlya mirovogo hozyajstva i Rossii [(Un)Real capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia]. Ekonomika, Moscow, 2016. 695 p.
18. Ryazanov, V. Vremya dlya novoj industrializacii: perspektivy Rossii [Time for a new industrialization: the prospects of Russia]. Ekonomist = Economist. 2013. No. 8. pp. 3–40.
19. Mishura, A.V. Resursnaya renta i mezhhregional'noe neravenstvo v Rossii [Resource rent and inter-regional inequality in Russia]. EKO. 2011. No. 4. pp. 155–167.
20. Fedorov, M.V., Yandyganov, Ya.Ya., Vlasova, E.Ya. Ispol'zovanie prirodno-resursnoj renty v celyah regional'nogo razvitiya [The use of natural resource rent for the purposes of regional development]. Izvestiya UrGEU = Proceedings of USUE. 2012. No. 3 (41). pp. 151–152.
21. Skoryh, N.N. Rentnye otnosheniya i platezhi v social'no-ekonomicheskom razvitii territorii [Rent relations and payments in the social and economic development of the territory: dissertation in support of candidature for an economic degree]. Novosibirsk, 2006.
22. Dve sozdannye v Sibiri TOR privlekt v regiony svyshe 40 mlrd rublej [Two TADs created in Siberia will attract over 40 billion rubles to the regions]. URL: <http://tass.ru/sibir-news/3470819>. – (accessed 05.09.2017).
23. Vinslav, Yu. Social'nye problemy restruktirovaniya obsheotraslevykh korporacij (na primere RAO «EJES Rossii») [Social problems of restructuring of industry-wide corporations (the case of RAO “UES of Russia”)]. REZh = REJ (Russian Economic Journal). 2001. No. 11-12. pp. 18–35.
24. Missiya ASI v razvitii predprinimatel'stva v social'noj sfere [ASI mission in the development of entrepreneurship in the social sphere]. URL: <http://asi.ru/social/business/>. – (accessed 05.09.2017).
25. Nufer L.P., Prokudina M.D. Vnutrennij kontrol' kak faktor bor'by s legalizaciej dohodov, poluchennykh prestupnym putjom [Internal control as a factor in combating the legalization of proceeds from crime]. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Problemy i perspektivy razvitiya nauki v Rossii i mire», Ekaterinburg, 2017 = Proceedings of the International scientific and practical conference “Problems and prospects of the development of science in Russia and the world”, Ekaterinburg, 2017. Ufa, Aeterna, 2017. pp.: 132-136.
26. Nufer L.P., Prokudina M.D. Protivodejstvie legalizacii dohodov, poluchennykh prestupnym putjom, i vnutrennij kontrol' v banke [Counteraction to legalization of proceeds from crime and internal control in the bank]. Jekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship. 2017. Vol. 1(78). pp. 730-734.
27. Federal'nyj zakon «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» ot 24.07.2007 № 209-FZ [Federal Law “On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation” of 24.07.2007 No. 209-FZ].
28. Zhernov, E.E., Nekhoda, E.V. Tehnologii socializacii ekonomiki znaniy v resursodobyvayuschem regione [Technologies of knowledge economy socialization in a resource extraction region]. Tomsk State University Journal. 2015. No. 399. pp. 188–198.
29. Polanyi, K. Izbrannye raboty [Selected Works]. Economy, Moscow, 2010. 199 p.
30. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273-FZ [Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012 No. 273-FZ].
31. Atlas novyh professij 2.0: kakie kompetencii budut vostrebovany v blizhajshie gody [Atlas of new professions 2.0: what competencies will be in demand in the coming years]. URL: http://neohr.ru/hr/article_post/atlas-novykh-professiy-2-0-kakiye-kompetentsii-budut-vostrebovany-v-blizhajshie-gody. (accessed 05.09.2017).
32. Sokolova, G.N. Ekonomicheskaya real'nost' v social'nom izmerenii: ekonomicheskie vyzovy i social'nye otvety [Economic reality in the social dimension: economic challenges and social responses]. Minsk, 2010. 462 p.
33. Dotsenko E.Yu., Zhironkina O.V., Agafonov F.V., Genin A.E. Rol' konvergentnykh tehnologij v stanovlenii nepreryvnogo blagopoluchija v neoindustrial'noj jekonomike [The role of convergent technologies in the development of continuous prosperity in the neoindustrial economy]. Putevoditel' predprinimatelja = Business Guide. 2016. Vol. 32. pp. 65-79.
34. Zhironkin S.A., Zhironkina O.V. Institucional'nye mery strukturnykh preobrazovanij jekonomiki Kemerovskoj oblasti [Institutional Measures of Structural Transformations of the Economy of the Kemerovo Region]. Izvestija Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Letters of Baikal State University. 2013. Vol. 4. pp. 5-10.

Авторы

Жернов Евгений Евгеньевич – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, e-mail: zhee.eti@kuzstu.ru.

Библиографическое описание статьи

Жернов Е. Е. Экологические и социальные аспекты концепции неоиндустриализации в горнодобывающем регионе // Экономика и управление инновациями. – 2017. – № 2 (2). – С.11-23.

Authors

Evgeny E. Zhernov – Candidate of Sc. (Economics), Head of the Department of Economics, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 650000 28 Russia, Vesennyyaya st., Kemerovo, Russian Federation, e-mail: zhee.eti@kuzstu.ru.

Reference to article

Zhernov E. E. Environmental and social aspects of the conception of neo-industrialization in the mining region. Economics And Innovation Management, 2017, no. 2 (2), pp. 11-23. (In Russian).